

Виктор Кукушкин

Идеалисты

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2)6
К89

Кукушкин В. Ю.

Идеалисты / Кукушкин В. Ю. — Москва: ЛитРес: Самиздат,
2021. — 46 с.

ISBN 978-5-532-93109-1

Мне стыдно за вас, Варвара Петровна, стыдно и очень обидно. Очень обидно, что вы – мой современник. Потому что, пока существуете вы, нам светлого будущего никогда не построить, – заявил ответственный работник своей подчиненной. С этих слов вспыхнули их романтические чувства. Друг ответственного работника Максим Девочкин готовит юбилейный спектакль, где укладывает себя в гроб. Причина – вместо хорошей квартиры ему дали коммуналку, где он не может уже в полной мере воспевать государство и существующий строй. Циники, между прочим, те же лирики. Или мечтают быть лириками.

Содержание

1	5
2	8
3	10
4	13
5	19
6	25
7	28
Интермедия	31
8	32
9	33
10	34
11	43
Эпилог	45

Гасли окна – воспоминания дня. Сон обнимал воспоминания и уводил их в свои, только ему ведомые глубины. Там он раскрывал перед ними давно заветные мечты. Восторг наполнял сердца людей. Лица покрывались дымкой загадочности. Приближалось что-то очень важное. А сон уже начинал играть с людьми в прятки. И тогда мир наполнялся привидениями из голых людей. Они появлялись в самых разных местах: в кабинетах, в библиотеках, в парках, на заводах, в различных помещениях, застывали там в самых невообразимых позах, перемещались. А под утро, словно в сомнамбуле, ходили из угла в угол, набросив на себя разнообразные накидки, пытались согреться.

Падали листья. Холодный ветер равнодушно перемещал их с места на место, подбрасывал в воздух. Листья, словно человеческие ладони, шарили по стеклу, растворялись в темноте. Потом шел снег. Мелкие снежинки вальсировали в воздухе, выстраивались в живые фигуры, те некоторое время держались, потом опадали, словно впечатления наслаиваясь, друг на друга, образуя за ночь непроходимые сугробы. Мир продолжал меняться и, тем не менее, оставался прежним. Неизменным.

– Мне стыдно за вас, Варвара Петровна, стыдно и очень обидно! – произнес Семён Петрович. – Очень обидно, что вы – мой современник. Потому что, пока существуете вы, нам светлого будущего никогда не построить.

Надобно знать, какое действие возымели эти слова. Воспылав романтическим чувством к молодому руководящему работнику, Варвара Петровна в своих мыслях зашла настолько далеко, что стала образцовым работником свинофермы. Семён Петрович так же обратил внимание, что его критика возымела столь решительное действие. Он даже почувствовал себя мужчиной, начал грезить о совместной жизни, причём свиньи в этих грёзах занимали не последнее место.

Недалеко от свинофермы располагались здания Дворца Просвещения и Осоавиахима. Окруженные большим парком, красивыми белыми статуями с отбитыми конечностями, учебным аэродромом и танкодромом, они неизменно привлекали к себе внимание жителей города; не обделялись вниманием, благодаря обилию пастбищ, и со стороны свиней и коров.

Внизу протекала река. Берега её в классическом римском стиле осеняли колонны – трубы цементного завода. Создавалась впечатление, что они держат собой подбеливаемый постоянно небосвод.

Мимо реки утром и вечером проходили рабочие, очень напоминавшие статуи в парке, потому что тоже были покрыты цементом.

Из парка доносились звуки духового оркестра и реплики со стороны художественной самодеятельности, руководимой старым приятелем Семёна Петровича – Максимом Девочкиным. Реплики иногда смущали слух благонамеренных жителей города, вываливаемых в праздничные дни на городской пляж. Было сделано соответствующее замечание, последовала немедленная реакция, и в праздничные дни художественная самодеятельность, руководимая старым приятелем Семёна Петровича Максимом Девочкиным, стала заниматься имитацией поведения животных. Эти звуки, хоть и производились человеческим голосом, но смущали намного меньше.

В ночное время, и не только по праздникам, нечто подобное происходило в коридорах Дворца Просвещения. Звучали мычание, хрюканье, возня и грызня. Наконец, посреди темноты возникали два воспаленных глаза, раздавался шлепок, и звуки на некоторое время стихали.

Утром, едва только солнце пробуждалось ото сна, а Максим Девочкин ещё спал в углу сцены у рояля, пространство Дворца Просвещения заполняли мухи. Набросив на себя черные халаты, мухи, словно пчёлы, начинали сновать из стороны в сторону, жужжать, суетиться, начинали собирать пыль. Но так им только казалось. На

самом деле они её ещё больше разводили. Им от рождения не дано, например, как пчелам, собирать мёд, но они в полной уверенности считают, стоит им только посмотреть, как собирают мёд, они сразу же смогут научиться это делать. Поэтому некоторых своих представителей мухи отправляют на стажировку к пчёлам. Не известно, чем те там занимаются, и чему стажируются, но только когда они возвращаются обратно, на них уже блестят другого цвета халаты, на некоторых даже гораздо красивее, чем у пчёл.

К сожалению, мухи не умеют понимать человеческого языка, поэтому по утрам Максим Девочкин вынужден накрываться одеялом с головой.

Семён Петрович, как и Максим Девочкин, не спал всю ночь. Тоска, овладевшая его телом, отняла все его сны и сновидения, сны превратились в реальность и предстали перед ним в образе Варвары Петровны. Развивая диалектику своих чувств, Семён Петрович всю ночь искал законных подтверждений в учебнике философии издания 193... года, но не найдя таковых, решил, что поскольку книга была написана раньше, нежели он увидел Варвару Петровну, то она ничего не может знать об их последующих взаимоотношениях.

Под звуки духового оркестра, который тоже неизвестно почему не спал и по ночам маршировал под стенами Дворца Просвещения, отчего все люди, жившие вокруг, ходили исключительно строевым шагом и даже во снах собирались в колонны и маршировали, устремив свои головы вверх, до тех пор, пока с них не съезжало одеяло или не раздавался гудок с цементного завода. Так вот, под звуки духового оркестра Семён Петрович предстал перед стулом, изображавшим Максима Девочкина. Семён Петрович сер, наглухо застегнут шеренгами пуговиц. Марш вселяет надежду в его обвисшее, уставшее от тоски и страданий тело.

На стуле висят единственные брюки и пиджак Максима Девочкина. Не скажешь, что они принадлежат одному человеку, но поскольку они, действительно, принадлежат одному человеку, умудряясь при этом так сильно отличаться, создается впечатление... что

приобретены они были в разное время, а это, наоборот, говорит о цельности натуры Максима Девичкина.

– Как ты считаешь, – изрядно потоптавшись на месте, произнес наконец Семён Петрович, – Может несознательный элемент стать вдруг сознательным?

Максим Девичкин высунул голову из-под одеяла, посмотрел заспанными глазами на Семёна Петровича и сказал:

– Нет, не может.

– Я и сам знаю, что не может, – согласился Семён Петрович. – А, может, все-таки может? – как-то особенно жалостливо добавил он.

– Может, все-таки может, – обнадежил товарища Максим Девичкин и, посмотрев в сторону, добавил: Как можно заниматься философией, когда вокруг столько... жизни? Нет, зря, Семён Петрович, ты говоришь, что ты материалист. Ты – идеалист.

В это время в окне первого этажа блеснула лысина, вместе с ней блеснула мысль: "Какая огромная стартовая площадка у мыслей, заключенных в эту голову!". Говорят, лысые наделены необычайным умом. Однако в нижней части головы, стоило ей немного приблизиться к окну, оказались настолько густые волосы, что вторая мысль: "Возможно, эту голову в молодости чем-то очень сильно ударили, и она, потеряв точку опоры, перевернулась на 180 градусов", – затмила первую.

– Где Девичкин? Где этот безобразный Девичкин? – прокричал лысый писклявым голосом. – Почему его подушка в моем кабинете? И что она, извините, тут делает?

Максим Девичкин поморщился, вылез из-под одеяла и побрел на поиски ботинка, который ночью улетел в мышь. Потом приступил к розыску других вещей, потом занялся самосозерцанием, потом творчеством, и, наконец, художественной самодеятельностью. Максим Девичкин не имел своего угла, и было это для него камнем преткновения. Отсюда он черпал свое вдохновение, этим ограничивался его кругозор, за что и был неоднократно бит. Но он не мог наступить на горло собственной песне, не мог и, как честный художник, не желал, поэтому с гордостью сносил критику и тоже страдал за идею.

2

На дворе стояла весна, на пеньке сидела Варвара Петровна, рядом с ней – Семён Петрович. В платочках под гармошку пары гуляли под березками.

– Женщина каким-то десятым чувством всегда знает и чувствует, что у мужчины за душой. Не в душе, а именно за душой, – разглагольствовал Семён Петрович перед Варварой Петровной. – По поводу души женщины, чаще всего, ошибаются. Впрочем, чтобы что-то уместилось за душой, необходимо, чтобы более-менее соответствующих размеров была душа. Мужчины же, часто поиграв роль романтического соблазнителя, исчезают, оставляя женщину в сказке. Они потому и исчезают, чаще всего совсем исчезают, чтобы оставить женщину в сказке. Женщинам это понять невозможно. Женщина ведь видит не мужчину, а тот образ, который с помощью его черт она создала. Если бы она увидела реального мужчину, – тут Семён Петрович сделал паузу, побегал взглядом по сторонам и сказал: Варвара Петровна, я давно хотел вас просить об одном очень странном одолжении, да все никак...

– О каком, Семён Петрович?

– Можно вас поцеловать?

– Семён Петрович... – в глазах Варвары Петровны сверкнули искры поруганного достоинства. – Да как вы...

– Простите... я не хотел... то есть хотел... то есть хотел сказать, что не хотел... Только чтоб на производстве не знали... Простите меня за столь дерзкий поступок! – и он чмокнул ее в подбородок.

Варвара Петровна, словно ветер, кинулась к реке, где никого не было. Семён Петрович кинулся в другую сторону.

Возле реки она остановилась и заревела.

Каждый мужчина носит определенное отношение к женщине, и каждая женщина принимает правила каждого мужчины.

После просмотра кинохроники в честь приближающегося юбилея, братья Рвоткины в лесной сторожке пили "бормотуху". Трое из

них были высокого роста, крепкого телосложения, один – маленький и смешной. Однако на экране, где братья Рвоткины с механическими пилами через плечо двигались на фоне круглых процентов плана, маленький казался выше и удалее всех, – оттого что шагал по бревну и в каске набекрень.

Когда распахнулась дверь в сторожку, братья Рвоткины разливали очередную порцию "бормотухи". Завидев Варвару Петровну, они медленно приподнялись, один из них, не желая делиться "бормотухой", загородил ту своим телом.

В глазах Вареньки сверкнули те же искры, что и во время разговора с Семёном Петровичем, но читались они теперь так, словно вспыхнуло в душе тайное желание, которое невозможно залить уже ни робким бормотанием, ни даже "бормотухой".

Где-то приблизительно в это же время, в тот же день, возможно даже в ту же самую минуту, вышел Указ, предписывающий всех людей, занимающихся творчеством, переселить в хорошие жилищные условия, чтобы те могли воспевать существующую действительность, не стесняясь этого. Но, или на всех не хватило хороших жилищных условий, или посчитали, что наш герой недостаточно занимается творчеством, или еще что, но только поселили Максима Девочкина для начала в коммуналку.

Разложив вещи, подставив таз под капающую с потолка воду, Максим Девочкин сел огорчаться. И тут в руки ему попала газета, которую по своей забывчивости, во время осмотра комнаты, прежде чем вселить сюда героя, оставил автор. А в газете – строка: "Каждой семье отдельную квартиру к 2000 году" – Максим Девочкин застонал и чуть не потерял сознание. Потом схватился за голову, потом успокоился. И даже обрадовался. Он вспомнил, что истинный художник должен страдать. А поскольку он художник истинный, то ему, как, впрочем, и автору, успевшему уже к этому времени умыкнуть газету, не нужна квартира.

Привыкая к новому предмету своего страдания, Максим Девочкин проголодался (перейдем от лирического вступления к физическим действиям) и отправился на кухню в надежде сготовить суп.

На кухне висело пять лампочек, включавшихся отдельно из каждой комнаты. Хозяйки, с первого мгновения отнесшиеся к новому жителю враждебно, вышли по отдельности каждая из кухни, выключив каждая свою лампочку. Раздался настолько нечеловеческий крик, что очертания трагически согнутого тела засветились в темноте от напряжения.

На следующий день Максим Девочкин вышел на кухню со свечкой. Пронеся ее так, словно вокруг совершенно темно, он поставил свечу у плиты. Пламя колыхнулось и расцвело вместе с улыбкой Максима Девочкина. Он бы так и наслаждался этой своей находкой, если бы не почувствовал на себе пристальный взгляд окружаю-